

Русская эмиграція на Д. В.

Русская эмиграція на Дальнем Востоке — не только массовая, но и единичная — явление пореволюціоннаго времени. Вряд ли до революціи кто-либо из російских граждан с російских просторов, в силу неподходящаго там для себя “политическаго климата”, искал приближѣнца под сѣнью “Недвижнаго Китая”. Политическіе эмигранты, и то в малом числѣ — единицами, обосновивались в Японіи, но в Китаѣ почти никогда.

1918 г. был переломным моментом. С этого года началась русская тяга на Дальній Восток, через два-три года превратившаяся в великій русский исход на маньчжурскіе просторы. Позже широкія русскія эмигрантскія волны хлынули в срединный и южный Китай, облюбовав нѣсколько центров, как Шанхай, Тянь-Цзин, Циндао.

Русская тяга в эти центры эмигрантскаго разсѣянія продолжается и в наши дни. Бѣгут туда, ищут надежной правовой защиты, прочнаго пристанища уже не из Россіи, а из Маньчжуріи. Спасают свои животы, увозя послѣднія крохи достоянія, не от ярости большевицкой, а от политики новых хозяев, неуклонно, планомерно, систематически ограничивающих и без того ограниченныя возможности приложенія русскаго труда и русскаго капитала в этом “Эдемѣ на землѣ”, как аттестуют Маньчжурію новоявленные русскіе Бултарины из японской прессы на русском языкѣ.

Русскій исход на Дальній Восток в 1917 г. носил единичный характер. Покидали Россію или тѣ, кто ясно отдавал себѣ отчет, что октябрьская революція не случайный эпизод, исчисляемый мѣсяцами, а затяжной процесс, длительное явление, или же пробирались на далекую азиатскую

окраину тѣ, кто помышлял там создать и прочную базу, собрать живыя силы, чтобы повести борьбу с октябрьскими захватчиками.

Начало подлинной эмигрантской эпопеи на Дальнем Востоке нужно отнести к концу 1919, началу 1920 г. Когда осенью 1919 г. обозначилось катастрофическое положение омского правительства и началась эвакуация, то безконечныя ленты поѣздов, уходившія на восток по колеям Великаго Сибирскаго Пути, увозили в теплушках классных вагонах тысячи бѣженцев, обуреваемых одним помыслом. Туда на восток, в Харбин, Маньчжурію!

Исторія, увы еще не законченная, русской эмиграціи на Дальнем Востоке, тѣсно связана с судьбами анти-большевицкой борьбы в Сибири. С крушеніем каждаго этапа этой борьбы, с неумолимой закономерностью вышлескивались в Китай новыя эмигрантскія волны.

Очередное крушеніе каждаго блага базиса влекло за собою новый русскій поток в Китай. Так было в ноябрь 1920 г., когда под напором красных пала Чита, и каппелевская армія транзитом через Маньчжурію по КВЖД ринулась в Приморье. То же самое повторилось через два года, в 1922 г., когда послѣдній форпост, Приморье, не выдержал стремительнаго натиска красной арміи, а героизм порѣдѣвших в боях "бѣлых" каппелевцев был сломлен превосходством и численностью "красных".

Послѣдняя страница русской бѣженской эпопеи красочна и драматична. Одни уходили из Приморья за границу — в Китай — в походном порядкѣ. Другіе погрузились на корабли. Эвакуация из Владивостока закончилась в самый послѣдній момент. Разѣзды авангарда арміи Уборевича входили во Владивосток, а послѣднія суда бѣлой армады только еще проходили мимо Русскаго Острова (в нѣскольких милях от Владивостока). Куда направлялась флотилія, гдѣ конечный пункт этой одиссеи, вряд ли в тот момент кто либо отдавал себѣ ясный отчет. Уходили, потому что нельзя было оставаться, а там дальше... как будет угодно Провидѣнію. Первая остановка этой армады — корейскій порт Гензан. Наконец, флотилія бросила якоря в Вузунгъ — предверіи Шанхая. Часть судов ушла еще дальше на Филиппины, в Манилу. Для многих потянулись долгіе мѣсяцы томительнаго бездѣйствія в обстаповкѣ трюмно-палубнаго режима, пока пассажиры армады не получили

разрѣшенія сойти на берег, обосноваться в Шанхаѣ, перейти на подлинное эмигрантское положеніе.

Массовой исход из Россіи закончился. Началась эмигрантская эра на Дальнем Востоке. В настоящем кратком очеркѣ нѣтъ возможности охватить всѣ стороны русскаго бытія в дальневосточном разсѣяніи. Это бытіе в аспектѣ матеріальных условій существованія опредѣляется социально-экономической обстановкой, правовым укладом тѣх центров русскаго разсѣянія в Китаѣ, гдѣ осѣла масса эмиграции.

Среди дальневосточныхъ центровъ этого разсѣянія Харбин и полоса отчужденія КВЖД рѣзко отличались от остальныхъ пунктовъ Китая.

В концѣ 1919, началѣ 1920 г., попадая в Харбин, русскій эмигрантъ ни в какой степени не чувствовал, что он за границей. В ту пору в полосѣ отчужденія, в Харбинѣ в особенности, социально-административный уклад жизни носил ярко выраженный русскій характер. И по существу и формально.

Функционировалъ русскій суд, русская почта, русская полиція, городское самоуправленіе, сконструированное по русскому образцу. На улицах, в магазинах, в учрежденіях господствовалъ русскій языкъ. Харбин по облику своему напоминалъ бывшій русскій губернский город. Лишь обиліе китайцев на улицах, китайскія вывѣски, китайскіе магазины свидѣтельствовали о наличіи компактнаго и численнаго туземнаго элемента — хозяина страны де-юре, гостя в своей странѣ де-факто, на узкой полоскѣ, именуемой полосой отчужденія КВЖД.

Вездѣ тон давали еще русскіе, т. е. то “коренное” русское населеніе, которое имѣло уже к этому времени свыше четверти вѣка исторіи. Во всем господствовало еще русское вліяніе, правда, умаленное в своем ореолѣ и авторитетѣ в дни русской смуты, когда в концѣ 1917 г., при помощи китайской вооруженной силы, был ликвидированъ большевизированный совдеп. Сѣверная Маньчжурія, еще четверть вѣка тому назад петропуть и дѣвственный край, с момента прихода русских, начала процвѣтать экономически, преиспѣвать культурно. Русскія техническія силы, построенія на чужой землѣ желѣзную дорогу, русскія войска, державшія в страхѣ и почтеніи грозу населенія — хунхузов, все это способствовало расцвѣту хозяйственной жизни края.

В Харбинѣ на улицах преобладала русская толпа, звучала русская рѣчь. В живоносном источникѣ, откуда, как по артеріям, текли жизненные оплодотворяющіе соки, на Китайской Восточной ж. д., вся полнота власти, вся направляющая и руководящая политика была в русских руках. Русскій управляющій дорогой, в тѣ времена ген. Д. Д. Хорват, снискавшій широкую популярность, всѣ русскіе начальники служб. Одним словом, весь русскій аппарат... В центрѣ — в Харбинѣ, по периферіям — на линіи.

Позже, когда началась эра ликвидаціи русских прав и интересов, ломки русских учреждений, всяческое ущемленіе русскаго вліянія, вытѣсненіе русских из занятых ими позицій на дорогѣ и в торгово-промышленном мірѣ, тогда этот край стал для русской эмиграціи за-границей. Но за-границей особенной — формальной. Русской за-границей, если можно так выразиться.

Ни ликвидація русских судебных учреждений в полосу отчужденія, ни замѣна русскаго полицейскаго аппарата китайским, ни прочія китайскія мѣропріятія, направленные все к одной и той же цѣли — ликвидаціи русских прав и интересов, все это не могло в корнѣ и сразу измѣнить русскій облик Харбина, русскій уклад жизни в этом красном центрѣ.

Дорога, главный узел русскаго вліянія, наибольшее поле приложенія русскаго труда, еще с десятков, примѣрно, лѣтъ не мѣняла своего русскаго лица. На дорогѣ, как нигдѣ, чувствовалось преобладающее русское вліяніе, а этим опредѣлялись экономическія возможности, экономическія перспективы для русских. Мукден — фактическій вершитель судеб Сѣв. Маньчжуріи — не был ни технически, ни коммерчески подготовлен, чтобы китайзировать дорогу. К тому же, до признанія совѣтов Китаем, формальным владѣльцем дороги был Русско-Азіатскій Банк.

На первых порах, в особенности, обстановка и обстоятельства весьма благоприятствовали устроению русской эмиграціи. Для нея широко было открыто пастеж нѣскольکو ворот. В одни, которыя вели на дорогу, могли пройти и прошли тысячи эмигрантов. Ряд других позже вел в русскія и иностранныя предпріятія — банки, фирмы, фабрики и заводы, в городское самоуправленіе.

Наконец, развертывалось широкое поле свободных профессій. Русская адвокатура, по ликвидаціи русских судов, получила право практики в китайских судах. Русскіе

врачи безвозбранно имѣли возможность врачевать недуги тѣлесные. Наплыв русских в Харбин открывал горизонты и для всякаго рода артистических талантов. Бѣженская волна выплеснула на далекую маньчжурскую окраину русских людей разнаго чина и званія, в том числѣ всяких талантов и мастерства.

В Харбинѣ, в полосу отчужденія КВЖД, весь этот бѣженскій люд очутился в привычной, почти что совсѣм родной обстановкѣ. Не надо было приспособливаться к специфическим мѣстным условіям, всегда и вездѣ осложняющим жизнь эмигранта в чужой странѣ.

Тот же русскій языкъ, та же русская психологія и навыки, тѣ же русскія учрежденія и организаціи, тѣ же золотыя маковки церквей, тот же колокольный перезвон в праздничные дни. И, наконец, компактная масса русскаго населенія в нѣсколько десятков тысяч человекъ. Вот с чѣм встрѣтился на первой остановкѣ эмигрантскій поток. Харбин, первая и временная, как многіе думали, остановка, для одних оказался послѣдним этапом их бѣженской эпопеи, для других станціей незаконченнаго бѣженскаго пути.

Бѣженцам, измученным мытарствами в теплушках, обуреваемым страхом и сомнѣніями, Харбин представился тихой пристанью. И русской пристанью. В дальѣйшем с каждым годом положеніе и перспективы русской эмиграціи в Сѣв. Маньчжуріи стали неуклонно ухудшаться.

Эмигрантскую эпопею за время с 1920 по наши дни в Сѣв. Маньчжуріи можно расчлениить на нѣсколько періодов, гдѣ каждый послѣдующій для эмигрантскаго бытія был хуже предыдущаго. За указанный промежуток времени произошел ряд событий, мѣнявших маньчжурскій политическій фон. С каждой перемѣной этого фона неуклонно ухудшалось матеріальное (и правовое) положеніе дальневосточной русской эмиграціи.

В первый період — до пришествія большевиков на КВЖД, до “харбинскаго октября” (1924 г.) китайцы еще только присматривались, не проявляя ни большого рвенія, ни особой поспѣшности в проведеніи политики китаизаціи края и дороги. На желѣзной дорогѣ и в учрежденіях, связанных с мѣстным городским самоуправленіем, продолжал господствовать прежній русскій дух, старые русскіе порядки.

Эмигрантскіе кадры были главным источником пополненія служащих дороги и муниципальных учреждений.

Квалифицированный эмигрантский сектор — инженеры, педагоги, врачи могли устраиваться по профессии. Разумеется, далеко не все находили работу по специальности. Предложение всегда превышало спрос. Но самая емкость рынка для приложения эмигрантского труда оставалась без изменения.

К моменту появления на Дальнем Востоке русской эмиграции в массовом числе в Сѣв. Маньчжурii, в Харбинѣ, главным образом, уже образовался компактный русский массив, пустивший глубокие корни в экономику края. По существу, начало и развитие краевой экономики связано с инициативой русского капитала и русского правительства, заинтересованного в развитии и преуспевании края. Сѣв. Маньчжурія постепенно, неуклонно превращалась в одну из русских окраин.

Естественно и понятно, что русские, осевшие в Маньчжурii, почитали своим долгом помочь землякам-эмигрантам, очутившимся в бѣдѣ. Побудительным стимулом были не одни только дружескія чувства, продиктованныя сознанием кровнаго національнаго родства. В эмигрантах русскіе маньчжурскіе аборигены видѣли людей, с которыми легче работать, в силу общих привычных дѣловых навыков, общаго дѣловаго подхода и общей, всѣх цементирующей, русской культуры.

Для очень многих, если не большинства даже, обосновавшихся в Сѣв. Маньчжурii до дней русской смуты, этот край стал второй родиной. Одни сроднились и жились на почвѣ торгово-промышленных интересов, другіе — в силу служебнаго положенія на ж. д. хорошо обеспечивавшей своих служащих и рабочих.

Эмигрантскій поток и туземное русское населеніе очень скоро слились. Демаркаціонная черта проходила по линіи политической: пріемлющих и непріемлющих совѣтской власти. В категоріи непріемлющих оказались, как подлинныя эмигранты-бѣженцы из Россii, Сибири, так и многочисленный сторожилычскій русскій сектор. Послѣдній, впрочем, пополнял не только эмигрантскіе кадры, но и совѣтскіе.

Картина мѣняется, с пришествіем большевиков на дорогу. Новые хозяева положенія на русской ж. д. магистрали в Сѣв. Маньчжурii сразу же вооружились метлой, для чистки дороги... от русских эмигрантов. Для послѣдних встал роковая неумолимая дилемма: или перекраситься в

один из двух защитных цвѣтов, или уходить с дороги без всяких надежд устроиться так же хорошо, как вообще были обеспечены желѣзнодорожники на КВЖД.

Большинство стало перекрашиваться. Одни возбудили ходатайство о переходѣ в совѣтское гражданство. Другіе стали хлопотать о переходѣ в китайское подданство. Наиболее устойчивыми оказались педагоги. Многие из них предпочли потерять хорошо оплачиваемую службу на дорогѣ, чѣм облечься в один из защитных цвѣтов. Наибольшее рвеніе в смысл приспособленія к новым порядкам и новым хозяевам положенія на дорогѣ — московским особам с партбилетом, продемонстрировали... бывшіе сановники Омскаго Правительства.

Емкость рынка для приложения эмигрантскаго труда рѣзко сократилась. Служба на дорогѣ выпала из эмигрантских чаяній, горизонты и перспективы эмигрантскія с каждым годом в дальнѣйшем стали затуманиваться. С приходом большевиков на дорогу начал прогрессировать двуединый процесс: совѣтизація КВЖД, параллельно с этим в усиленных темпах развивалась китаизація края, ликвидація русских прав, интересов.

В 1926 г., весной, как раз в тот момент, когда русскіе отряды в войсках Чжан Цзо-лина побѣдоносно продвигались к Нанкину и Шанхаю, китайскіе харбинскіе ставленники мукденскаго повелителя ликвидировали городское самоуправленіе. Незамедлительно вслѣд за этим началось вытряхиваніе русских служащих из муниципальных учреждений.

Надвинулся міровой кризис, захватившій и богатый маньчжурскій край. Рѣзко стали падать процвѣтавшія дотолѣ экспортныя операціи — вывоз бобов, жмыхов, хлѣба за-границу. Шел под гору экспорт, в том же направленіи скатывались вниз ж. д. перевозки. И, как неизбѣжный вывод из сложившейся обстановки, сокращеніе расходов на дорогѣ, в частности сокращеніе штата служащих и рабочих. В проскрипціонные списки в первую очередь попадали "сомнительные по благопадежности" желѣзнодорожники, тѣ именно, кто, послѣ прихода большевиков на дорогу облачился в защитный цвѣт. Русскіе "киты" (китайскіе подданные желѣзнодорожники) трактовались как эмигранты, лукаво сокрывшіе свой истинный лик. Туда же зачислялось и большинство желѣзнодорожников, перешедших из эмигрантскаго состоянія в совѣтское.

С каждым годом положение русской эмиграции в Маньчжурии ухудшалось и ухудшается. Китаизация края, советизация дороги, общая депрессия в годы мирового кризиса, все это неуклонно увеличивало контингент безработных эмигрантов. Начало 20-х годов казалось эрой эмигрантского блаженства, канувшей безвозвратно в лету. Резкий поворот в сторону дальнейшего ухудшения эмигрантской жизни, эмигрантских перспектив обозначился после советско-китайского конфликта.

Японская оккупация Сѣв. Маньчжурии не внесла проблеска в безрадостное тоскливое эмигрантское бытие, сложившееся к моменту этих событий. Напротив. Она — эта оккупация — принесла новое горе. Ударил больно по тем эмигрантам, которые обосновались на восточной линии КВЖД. В этом районе одни сѣли на землю, обзавелись хозяйством, другие пристроились на лесных концессиях, обеспечивавших болѣе или менѣе постоянный прожиточный минимум.

Запылало, разгораясь, зарево войны. Годы, начиная с конца 31 и дальше 32, 33 на восточной линии КВЖД проходили под знаком разрушения и смерти. Этот район превратился в арену кровавых столкновений между японцами, с одной стороны, хунхузами, китайцами-партизанами, с другой. В дыму пожаров, окутывавших поселки при ж. д. станциях, на лесных концессиях, в безконечных ж. д. крушениях, порою настоящих катастрофах, в постоянных хунхузских налетах отчетливо обозначилась угроза не только еще не окрепшему хозяйственному эмигрантскому базису, но и личной безопасности. Надо было спасать животов, куда уже думать о цѣлости и сохранности эмигрантского скарба. В то же время с совершенной очевидностью открывается печальная для эмигрантов изнанка японской экспансии. “Бѣлые” ли, “красные” ли, обосновавшиеся в Сѣв. Маньчжурии, те и другие были все равно неприемлемы для новых хозяев. Вопрос был лишь в сроках, когда колонизируемый японцами край должен быть очищен от русских.

С продажей дороги наносится сокрушительный удар русскому влиянию, русской значимости в хозяйственной жизни края. В нем сразу катастрофически падает численность русского населения. Огромное большинство русских железнодорожников — советских подданных — денорги-

руется в СССР. С семьями эта русская убыль выразится в цифрах, примерно, 20 тысяч человек.

Оставшимся в Маньчжурii русским эмигрантам от исхода советских с КВЖД вовсе не становится легче. Сам по себе факт депортации огромной массы русского населения пробил большую брешь в русской торговле. Вторая половина 1935 г. в Харбинѣ проходит под знаком ликвидации русских торговых предприятий.

А ведь в ликвидированных русских магазинах было устроено не мало эмигрантов. Создалось тяжелое, порою невыносимое, положение и для русского домовладения, мелкого в особенности, собственниками которого в подавляющем большинстве являлись эмигранты.

Тихому, мирному, безмятежному эмигрантскому житию в Маньчжурii приходит конец. Еще до прихода японцев, когда и Сѣв. Маньчжурii охватил экономический кризис, когда неуклонно падали заработки, стали возрастать кадры безработных, начался эмигрантский отлив из Харбина, из Маньчжурii. Отлив медленный, малой людской волной, но постоянной, с тенденцией к увеличению.

До осени 1931 г. эмигрантская тяга из Маньчжурii была обусловлена причинами экономического порядка—депрессией. После 1931 г. определяющим моментом эмигрантского исхода стала политика. По мере укрепления и утверждения влияния новых хозяев, не оставалось сомнения, что в массе русским скоро в этом крае нечего будет делать. Для русской эмиграции в Маньчжуге создалось, если не безвыходное положение, то весьма тяжелое. И оставаться нельзя и выбраться трудно.

Язык цифр краснорѣчиво иллюстрирует, какія перемены произошли за послѣдніе года в оккупированной японцами Маньчжурii. Русское население, до конца 1931 г., в одном только Харбинѣ исчислялось в цифрѣ около 60 тысяч. Доля советская и доля эмигрантская в этой суммѣ почти одинаковая. Японцев проживало в Харбинѣ около 6 тысяч. Теперь же численное отношение между русским и японским населением в Харбинѣ резко изменилось: на каждые десять человек японцев приходится только девять русских.

Подведем итоги. Сѣверная Маньчжурii в недавнем прошлом для русской эмиграции, если и не являлась обжитой землей, была тем иностранным краем, гдѣ условия, для эмигрантского существования, представлялись до-

статочни благопріятными. Не было ни норм, ни квот, ограничивающих русскаго эмигранта в его правѣ на труд.

Не всѣм русским изгоям, конечно, жилось хорошо, не всѣ желавшіе спискивать дневное пропитаніе от трудов своих, находили этот труд, и тѣм болѣе по своей специальности. Безработица среди дальневосточной эмиграціи была серьезным соціальным недугом, спасаясь от котораго, безработные бывшіе бойцы бѣлой арміи поступали наемниками в ряды войск мукденскаго властелина Чжан Цзюлина и проливали русскую кровь за совершенно чуждое им дѣло — китайскую распрю.

Устроиться по специальности далеко не всегда и не всѣм удавалось. За черную работу приходилось браться многим. Популярный генерал, бывшій командарм сибирской арміи Пепеляев занимался извозным промыслом. Людям с образованием и хорошим прошлым не приходилось брезговать амбула ночного сторожа, караульнаго фабрики, рядового полицейскаго. На этом попритцѣ и заканчивалась жизненная карьера многих в эмиграціи.

Материально, экономически русская эмиграція в границах конечных пунктов маньчжурской магистрали — станцій Пограничная и Маньчжурія — все время шла к оскудѣнію. По началу кое-кто, конечно, единицы, располагал капиталами, вывезенными с родины. Были и мѣстные магнаты русскаго капитала — концессионеры. Их имущество — дѣсныя угодья — оцѣнивалось в милліоны. Прошло нѣсколько лѣтъ, всѣ сошли на нѣтъ. Русскія концессіи перешли в китайскія или японскія руки.

Многолѣтнее пребываніе на чужбинѣ русских людей, среди которых оказалось не мало лиц высокой интеллектуальной квалификаціи, оставило большой слѣд в сферѣ не материальных дѣнностей. Только при наличіи культурных эмигрантских сил можно было создать в Харбинѣ разсадники высшаго образованія: юридическій факультет, нынѣ японцами ликвидиремый, и Русско-Китайскій Политехнический Институт. Оба эти высшія учебныя заведенія были построены по образцу старых русских высших школ. Юридическій Факультет до конца дней своих сохранил программы старых русских университетов. Питомцами этих, по началу чисто-эмигрантских вузов, были, как русскіе (эмигранты, совѣтскіе подданные), так и туземная молодежь — китайцы.

Наплывом эмиграции в Сѣв. Маньчжурію было обусловлено созданіе новых средне-учебныхъ заведеній. Последнія были открыты и функционировали не только в Харбинѣ, но и в цѣкоторыхъ другихъ пунктахъ эмигрантскаго разсѣянія в краѣ — напримѣр, на станціяхъ Пограничная и Маньчжурія.

Было время, когда тенденція к основанію высшихъ учебныхъ заведеній приняла нездоровый характер, выдѣлась в соревнованіе, конкуренцію общественныхъ группировокъ. Достаточно было, чтобы при ХСМЛ былъ открытъ Сѣверо-Маньчжурской Политехнической Институтъ, какъ ультра правыя эмигрантскія группировки, при любезномъ содѣйствіи и наущенію японцевъ, выдвинули проэктъ созданія Института Св. Владиміра съ техническимъ и богословскимъ факультетами. Страшный замыселъ претворился в жизнь, хотя правящій владыка выразилъ сомнѣніе в осуществимости открытія Богословскаго факультета в обстановкѣ скудости лекторскихъ силъ. Но институтъ этотъ надо было открыть..., хотя бы в цѣляхъ противодѣйствія “масонской организаціи”. ХСМЛ русскими патріотами японскаго отечества такъ именно и аттестуется.

С эмигрантской эрой в Сѣв. Маньчжуріи совпалъ расцвѣтъ газетнаго дѣла на этой далекой окраинѣ. Былъ основанъ рядъ чисто эмигрантскихъ газетъ. Часть изъ нихъ продолжаетъ жить до сихъ поръ, но условія для независимой прессы, конечно, чрезвычайно тяжелы.

Наконецъ, эмигрантская самодѣятельность и эмигрантская жертвенность нашли яркое выраженіе, продемонстрировали большой размахъ в храмозодительствѣ, в удовлетвореніи религіозныхъ запросовъ. На чужбинѣ, в Харбинѣ и его пригородахъ, имѣется двадцать православныхъ церквей, в томъ числѣ два монастыря — мужской и женскій. Больше половины церквей, среди которыхъ два большихъ прекрасныхъ храма, построены в годы эмигрантской жизни и на эмигрантскую лепту.

Краи, совсѣмъ еще в недавнія времена напоминавшій свое родное, русское, становится подлинной чужбиной... Лучшее в прошломъ, будущее — темно и безрадостно.

Н. ЛИДИН.